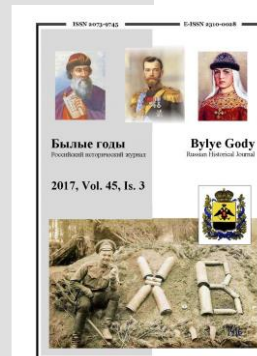

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 861-870, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.861
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)+(100-87)

Russians in Captivity: The Art of Surviving and Winning

Vladimire A. Ushakov ^a, Tatiana E. Sokhor ^{a,*}, Evgenij V. Il'in ^a, Tatiana N. Goncharova ^a,
 Ariadna A. Petrova ^a

^a Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The paper is based upon a study of various sources — dispatches, letters, diaries, memoirs and other materials left by participants and contemporaries of the events, documents and reports of the Red Cross and other organizations what helped captives, as well as information from publications by Russian and foreign specialists in the history of captivity for many centuries. The authors's field of view included the events from the history of wars in Europe and Asia, the episodes when European armies, forces of the Ottoman Empire and its allies, as well as Japan and China acted as the enemy of Russians. The paper also deals with wars and conflicts, invasions and raids of different nature and type. As a result, based upon the findings obtained, many conditions and factors were studied, which influenced the situation of a captive or a group of captives, and enabled them to come through, survive and, moreover, keep hoping for salvation and resist the enemy in various forms and with various activity. The paper singles out the conditions and circumstances that deprive captives of such opportunities. It was established that the situation of captives depended on the nature of antagonisms that caused wars. Examples of conflicts with the participation of Russians showed that the institute of captivity was also influenced by civilization peculiarities of the warring nations, and differences were considered as to how the winners treated their captives at the front and on the home front. Conditions for the survival of the individual prisoners and groups of captives, which would enable them to come through, survive, do harm to the enemy, and to break free in order to save themselves and help their comrades and homeland, and come back home.

Keywords: captives, the Patriotic War of 1812, the Russian-Japanese War, Russia, Sweden, Poland, France, Turkey, China, Japan.

1. Введение

Войны часто нарушали жизнь человечества, воздействовали на ход истории. С древнейших времен существование Руси-России пронизывали войны большие и малые, когда массы людей гибли и попадали в неволю. Соперники России эти войны вели с ожесточением и к пленным относились сурово. В нечеловеческих условиях пленные должны были выжить и смириться, либо продолжить борьбу — погибнуть или победить. За столетия сложилось и отношение к плену: обстоятельства пленения и поведение в неволе вызывали презрение и ненависть к трусам и предателям; сочувствие — к жертвам и героям. Обращение к проблеме плена важно, поскольку трагические и героические события и уроки военной истории откладывались в сознании поколений людей, и через пропаганду, воспитание, произведения искусства, явления культуры они выступали как важнейший фактор в формировании национального самосознания, определении приоритетов в истории России, целей и путей развития российского общества и государства.

* Corresponding author

E-mail addresses: v.ushakov@spbu.ru (V.A. Ushakov), sohor@mail.ru (T.E. Sokhor), e.ilin@spbu.ru (E.V. Il'in),
t.goncharova@spbu.ru (T.N. Goncharova), ariadnapetrova@yandex.ru (A.A. Petrova)

2. Материалы и методы

Работа подготовлена на основе изучения: источников (донесений, отчетов, писем, дневников, мемуаров и др. сочинений), оставленных участниками и современниками событий; материалов организаций, расследовавших действия воюющих сторон в отношении пленных и населения; сведений из наиболее информативных публикаций российских и зарубежных специалистов по военной истории за разные временные периоды. Методология исследования требовала активного соединения общенаучных и исторических методов. Применение историко-сравнительного и историко-типологического методов нацеливало на детальное и всестороннее раскрытие и характеристику общих и особенных условий пребывания в плену в разные исторические эпохи и в разных по характеру военных конфликтах. Историко-генетический метод использовался при определении мотивов и обстоятельств появления, а часто и публикации материалов по тематике войны и плена. Принципы историзма и целостности вели к выявлению факторов, определявших содержание, достоверность, тональность и другие свойства разных документов.

3. Обсуждение

Сведения о войнах и пленных приведены в общих работах по истории Отечества (Платонов, 1993, др.), либо по истории стран вступавших в конфликты с Россией (Янчевецкий, 2013, др.). Важные материалы содержат: исследования об участии России и россиян в войнах (Тарле, 2011, др.); литература о теоретико-научном осмыслении плена как явления в истории (Ивашов, Емелин, 1992, др.); общие и обзорные работы по истории плена (Лохвицкий, 1855; Гессен, 1918, др.) и его разновидности (Шереметевский, 1913); либо публикации по истории пленения в той или иной войне (Акишин, 2009; Козлов, 2011, др.); описания пребывания в плену отдельных лиц, групп и их участия в деятельности организаций пленных (Козлов, 2016; Головнин, 1972). Интересные сведения содержат работы: по истории воинских частей (История, 1896, др.); о жизни и карьере отдельных людей (Мартос, 1893, др.), а издания документов о военных и пленных, их активность в неволе (Военнопленные, 1907; Документы, 1947) принципиально важны. Такие публикации документов, научная и научно-исследовательская литература многочисленны и труднообозримы. Но при всем многообразии перечисленных материалов и стремлении специалистов исследовать историю плена, вне поля зрения оказались серьезные аспекты проблемы. А именно, с привлечением исторических сведений специально не были обрисованы и изучены многие факторы и условия, которые могли влиять на положение пленного, группы пленных и позволяли сохранять надежду на спасение, выживать, и с разной активностью и в разных формах вести борьбу с врагом. Ученые не выделяли условия и обстоятельства, ограничивавшие или лишавшие пленного (пленных) таких возможностей. Не акцентировали должного внимания и на зависимость института плена от природы антагонизмов, порождавших войны, от характера, целей, масштабов и ожесточения конфликтов. На примерах войн с участием россиян, порой характеризовали зависимость института плена от цивилизационных отличий воюющих сторон, от законов, норм, нравов исторических эпох, периодов, но в гораздо меньшей мере писали об эволюции этого института в истории, не выделяли то общее и особенное, что сближало (отличало) условия плена в таких конфликтах, в целом влияло на формы и условия неволи для разных категорий пленных. Поэтому авторы статьи, основываясь на материалах, почерпнутых из научной литературы и публикаций разнообразных источников по истории России, а также на сведениях из истории ряда стран (Франции, Швеции, Польши и Литвы, Германии, Австро-Венгрии, Японии, Китая, др.), стремились осмыслить широкую по времени и географии событий панораму феномена плена как части военной истории и истории, населяющих наше Отечество народов, и из массива разнообразных российских и зарубежных материалов извлечь сведения, характеристики, позволяющие продвинуться в исследовании означенных малоизученных аспектов института плена применительно к истории России за широкий период времени.

4. Результаты

Обычай войны и плена складывались в междоусобицах князей, в конфликтах Руси с Византией и с кочевыми народами, с Золотой Ордой и ханствами на ее территории. Жесткий характер им придавал религиозный и национальный факторы и историческая память (в том числе, на генетическом уровне) об опустошительных вторжениях, набегах и пограничном разбое, несшим гибель и «полон» поколениям людей. Во власти поработителей (частных лиц и государств) их ждала участь: 1) погибнуть в боестолкновениях и при угоне в плен; 2) для знати быть уничтоженными или стать заложниками; 3) для «стариков и немощных» быть отданными молодым воинам «для первых военных опытов», убитыми другими способами; 4) пленники выступали как товар: «красивых мальчиков» и девушек продавали «для утех», прочих — на работы; мужчин отбирали по физическим и профессиональным данным и обрекали на непосильный труд и страдания — их клеймили, кастрировали, зверски пытали, казнили; 5) часть пленных, отказавшись от родины и веры, «обасурманивалась», шла в услужение врагу. Избавление приходило через смерть, выкуп, размен, побег, кого-то отбивали единоверцы; рабов иногда освобождали хозяева. Вырваться из неволи удавалось не многим. В новое время чаще применяли средства дипломатии — освобождение в результате переговоров и по статьям трактатов о мире (Лохвицкий, 1855: 1–34 (гл. III); Гессен, 1918:

3–43; Шереметевский, 1913; Вернадский, 1997: 56–60, 147–148, 167–168, 191–192, 205–209, 221–243, 250–275, 292–294, 346–351; Герберштейн, 1988: 174–175). Однако и в XIX в. войны христиан («гяуров») с мусульманами («басурманами») были жестокими. В войну 1806–1812 гг. турки на Дунае взяли 6 русских канонеров и «9 офицеров и 170 нижних чинов», и те, «кто более сопротивлялся» были преданы «смерти, и головы несчастных брошены в Дунай». А в 1810 г. у города Рушук турки применили «все жестокости, лютость, бесчеловечье, которых никакое перо не в состоянии изобразить», и русские на его стенах «увидели 7 500 отрезанных голов, воткнутых на наши же ружья. Турки, — записал участник войны Мартос, — считают сей <...> обряд своим блестящим трофеем» (Мартос, 1893: 325, 328).

На протяжении столетий насилия и кровопролития характеризовали войны Ордена, Литвы, Польши, Швеции с россиянами. К православным противник порой относился как к еретикам и тварям. Эти войны вели за территории, население которых истребляли, вытесняли, превращали в подданных победителя. Гибель и пленение ослабляли противника, переговоры о выкупе, размене шли годами, многие умирали в неволе, бежали, кто-то (знать) выживал за счет поддержки родни и Московского государства. Православных не освобождали, даже подчинив Московию в «смуту». В польском плену погибли коронованный В. Шуйский с братом, годы провел митрополит Филарет (отец царя М.Ф. Романова). После «Смуты» проблемы с возвращением из плена продолжались до эпохи Петра I. А когда поляки, запорожцы с татарами действовали против русских (Конотон, 1659; Чудново, 1660), то убивали массы пленных и раненых. И у шведов плен тянулся годами, нес суровые испытания. Они брали «в полон» даже купцов и послов, в отличие же от поляков чуть строже выполняли статьи договоров при размене, выкупе, освобождении пленных (Лохвицкий, 1855: 1–20 (гл. III); Гессен, 1918: 44–59; Шереметевский, 1913: Январь, 136, 141; Козлов, 2011: 36–60, 64–88, 100–110, 167, 187).

К началу «Века Просвещения» наметилась гуманизация законов войны, но плен по-прежнему не гарантировал жизнь. В Великой Северной войне смерть несли и русские, и «цивилизированные» шведы. Последние неоднократно истребляли славян — пленных (сожгли живьем 200 чел. в 1704 г.; резня после битвы при Фридрихстаде в 1706 г., др.) и население, продавали христиан в рабство иноверцам. Европа осуждала деспотизм Карла XII (казнь в 1707 г. дипломата И.Р. Паткуля). До конца войны Россия добивалась обмена захваченных по приказу Карла XII в 1700 г. у Нарвы российских командиров и дипломата в Стокгольме А.Я. Хилкова. После Полтавы (1709) и в преддверии Ништадского мира (1721) обмен пленными оживился. В долгом плену кто-то (Хилков) работал на благо отечества, слал ценные сведения о Швеции, защищал пленных. Он и А.И. Манкиев из истории отношений со Швецией извлекали уроки (книга «Ядро российской истории»), а Я.Ф. Долгорукий и 44 чел., захватив корабль, пришли в Ревель. Более 300 чел. (20 % пленных) с о. Висингсё пытались бежать. Более 200 чел. там погибли от голода, холода, болезней, ран, несправедного суда... умерли Хилков и царевич Багратиони. Кто-то жил за счет пособий от шведов и поддержки из России, займов, попрошайничал, воровал, пробавлялся работами, ремеслами, торговлей, обзаводился семьями и потомством. И.О. Трубецкой вернулся в Россию со своей семьей и родившимся в Стокгольме бастардом (Бецким). Общую линию поведения пленных в Швеции проводил Хилков, но в тюрьме и на поселении многие по-своему стремились выжить, сохранить идентичность, вернуться домой. Результаты зависели от сложившихся обстоятельств, устремлений и человеческих качеств этих лиц (Козлов, 2011: 111–164, 176–183, 189–190, 200–216; Акишин, 2009: 170–170; Юриксон, 2009: 183–206; Биргеорд, 2009: 207–229).

Нередко в плен попадали или там складывались группы людей, действовавших совместно. Пример являли командир В.М. Головнин и 6 моряков со шлюпа «Диана», оказавшиеся при изучении Курил в японском плену в 1811–1813 гг. Они настырно вошли в контакт с японцами, озлобленными из-за разбоя русских судов. Столкнулись две цивилизации: демонстрируя добрые намерения, русские на переговорах были без оружия и лодку вытащили на берег, а сотни японцев, используя ошибки Головнина, вероломно схватили их. Так начался плен, длившийся 2 года 2 месяца и 26 дней (Козлов, 2016: 143; Головнин, 1972: 45–72; Головнин, 2016: 240–241; Хлебников, 2016: 294–300). Он резко отличался от «ареста» на год «Дианы» у мыса Доброй Надежды, откуда корабль сбежал от англичан 16 мая 1809 г. (Головнин, 1961: 146–147). А плен в Японии оказался суровее и поучительнее, он был описан Головниным как «такой страшный, ужасный опыт <...> слишком дорогою ценою для нас купленный» (Головнин, 2016: 271).

Согласно записям В.М. Головнина и А.И. Хлебникова, японцы жестко контролировали пленных: до боли связывали их, в ужасных тюрьмах привязывали к стенам, потолку, как птиц держали в холодных клетках. Пленных вели под конвоем, не развязывая даже при отправлении нужды — «снимали <...> платье, сажали и потом с рачением очищали <...> как нянька поступает с дитятей, <...> а веревки впившись были по всем телу». Такая «забота» по-азиатски шокировала европейцев, их травмировали бесконечные обвинения в разбое, шпионаже (Головнин, 1972: 72–99, 109–118; Головнин, 2016: 241–243; Хлебников, 2016: 301–308; 327–328). Сказывались и слухи о зверской жестокости и коварстве азиатов. «Бездна отчаяния» охватила пленных, Головнин в день пленения «желал от чистого сердца», чтобы «поскорее свершили над ним убийство». И позднее он хотел «лишить себя жизни». Сходные мысли питал и Хлебников. Физические и духовные муки

доводили русских «до расстройтва воображения» — им мерещились «непонятные ужасы», жуткая гибель, казнь (Головнин, 2016: 243–245; Головнин, 1972: 72–73; Хлебников, 2016: 299).

Безысходность толкнула русских моряков к побегу. Для этого они провели подготовку: тщательно изучали мотивацию в действиях японцев, заводили нужные контакты с ними, искали слабые стороны в системе охраны. Неудачный побег и плен определили роли моряков в группе. Лидером был Головнин, матрос Макаров был заботлив, точно исполнял приказы. Матрос Шкаев хотел бежать, но проявлял неповиновение. Со слов Головнина, штурман Хлебников ныл, хитрил, на предложение «умереть или достигнуть отечества <...> решительного согласия <...> не давал», оспаривал действия командира, заискивал перед матросами, «твердил им о смерти». Хлебников пугал Симонова и Васильева, и чтобы тех взбодрить, Головнин «рассказывал <...> похабные анекдоты, <...> читал наизусть Баркова стихи». Первоначально подозрение вызывал курилец-переводчик Алексей Чекин из-за его близости к мичману Муру (Головнин, 2016: 241–250, 255, 261). А Мур «час от часу становился <...> опаснее», «был низок до подлости», отговаривал моряков от побега, клеветал на Россию и русских, шпионил и доносил японцам, «желая нашей смерти» и хотел остаться служить в Японии. Головнин записал: Мур был «страшнее смерти», но кто станет ручаться, чтобы «еще не нашелся какой-нибудь Мар или Мор и тому подобное». По возвращении на Камчатку Мур застрелился (Головнин, 2016: 252–257, 269–271; Головнин, 1972: 294–295). Так в Японии пленные вели себя по разному: были лидер и ведомые, часть осталась верна присяге и долгу, кто-то впадал в отчаяние и малодушие, и тогда непонимание, соперничество, вражда, трусость, подлость, предательство грозили гибелью. В столь тяжких условиях мужество, дисциплина, удача помогли им выжить — «на аспида и Василиска наступили и попереши льва и змия» (Головнин, 2016: 272).

Тяготы плена в Японии подтвердил и штурман А.И. Хлебников, не винивший командира в ошибках. Головнин сам отметил допущенную им «непростительную оплошность», позволившую захватить моряков. Исправить ее было нельзя, но Головнин в плену мужественно боролся за спасение группы, руководил ею (Хлебников, 2016: 293–309; Головнин, 2016: 240). Такая группа с обозначившейся структурой, объединявшая лиц со сходной психологией, поведением, эмоционально-тяготенческими качествами формировалась поэтапно (Психология, 1970: 208–212) и это стало одной из особенностей плена в Японии. Все более ориентируясь на лидера (командира) моряки сочетали деловые качества и заинтересованность в выживании и обретении свободы, что также служило залогом их спасения.

Еще более героическую и тяжелую миссию взяли на себя три офицера лейб-гвардии Егерского полка в 1828 г. истребленного турками у Варны из-за халатности и трусости начальства. Эти офицеры решили «сберечь полковую святыню» — знамя, обогретенное кровью русских воинов. Для этого они разорвали знамя на три части и спрятали их на теле. Риск был огромный — выжил и из плена возвратился в 1829 г. только поручик Н.А. Сабанин. Этот воин-одиночка, сохранив остаток знамени, со временем восстановил воинскую честь полка (История, 1896: 208, 210, 213–216; Старый Егерь, 1876: 372–373).

Возможности выжить и бороться в плену с врагом порой были малы. В 1612 г. осажденные в Кремле поляки «съели пленных», и «кто кого мог <...> тот того и ел» (Дневник, 1872: 348). Отечественная война 1812 г. также рождала отчаянные ситуации. Бегство французов из России изобиловало сценами «ужаса», когда «близ Болдина монастыря» были найдены «трое французов, жаривших четвертого, который умер с голоду за несколько минут перед тем». Другой случай характеризовал «черты отчаяния расшвырявшегося человечества»: француз «отказался от хлеба <...> а умаялся», чтобы его убили «из сострадания» (Мартос, 1893: 467). В нечеловеческих условиях армия Наполеона не могла сохранить жизнь своим солдатам, тем более десяткам тысяч пленным. И они бежали, гибли от голода, холода, ран, их уничтожали (Бессонов, 2012: 118–122; Rouanet, 2012: 254, 256–257, 260–261). Об этом писал Ф.-П. де Сегюр, указав на «убитых русских, причем у каждого из них были совершенно одинаково разбита голова и окровавленный мозг разбрызган тут же». Была и попытка сжечь пленных и раненых в церкви. Сегюр констатировал: «В этой беспощадной войне даровать им жизнь было равносильно тому, чтобы принести в жертву самих себя. Приходилось быть жестоким по необходимости» (Сегюр, 2014: 313–314). Историк Е.В. Тарле считал, что «пленных <...> погибло много тысяч <...> трупы расстрелянных русских пленных постоянно встречались между трупами французов <...> на всем пути отступления наполеоновской армии». Эти примеры фиксировали и французские ученые (Тарле, 2011: 693, 696; Rouanet, 2012: 260–261). Ожесточение сторон росло, Сегюр записал: «с нашими пленными солдатами <...> обходились несколько не человечнее» (Сегюр, 2014: 314). О мытарствах французов в плену накопилось много материалов: высокопоставленных лиц (генерала Пуже) обдирали «как липку» (Souvenirs, 1895: 220), простых пленных гнали под конвоем, а вглубь России доходили не многие, так, например, из отряда в 2 800 чел. с лейтенантом Вейо, до Саратова дотянуло только 150 (Vieillot, 1996: 92, 174, 237). Таковы были жесточайшие реалии и особенности Отечественной войны, когда решалась судьба России, и народ боролся за выживание. И они контрастировали с условиями, в которых находились плененные на войне 1808–1809 гг. шведы. Судя по готовому к публикации дневнику А. Хаусвольф, они даже ходили на балы и в гости, но то была другая война (Коваленко, 2016: 5).

Жестокие войны шли и с начала XX века. Восстание ихэтуаней (боксеров) в 1900 г. вызвало интервенцию империалистических держав. В ходе ее «пленных не брали, а захватив их — прикалывали или пристреливали» ибо, интервенты не знали, куда девать пленных, считали их «за варваров и полуживотных», полагали, что «у китайцев вместо души пар, который можно выпускать сколько угодно». А китайцы «истязали и убивали <...> иностранцев из мести и ненависти», хотели «перебить их всех как черепах». Потери царской России составили 2 002 чел., среди убитых и казненных были и гражданские лица. Современники сравнивали восстание с тайфуном, полагали, что война «с ордой диких изуверов опасна, как гидра, у которой на место одной отрубленной головы <...> отрастают две новые». Эти слова оттеняли суровый вывод: «возмущения на религиозной и фанатичной почве всегда сопровождаются и крайним упорством, и необыкновенным кровопролитием...» (Янчевецкий, 2013: 37, 52, 63, 69, 84–86, 182, 232–233, 367–368, 371–374, 384).

А вскоре разразилась русско-японская война 1904–1905 гг. В Петербурге ее мыслили как победоносную, но она завершилась потерей двух эскадр, поражениями на суше, осадой и падением Порт-Артура. Упорство русских войск и потери ожесточали японцев, в зоне боев те часто были беспощадны к пленным, отсекали головы раненым, стреляли в санитаров. Герой обороны Порт-Артура генерал Р.И. Кондратенко отразил эти факты в приказе о защите крепости «до последней капли крови, без всякой мысли о возможной сдаче в плен». «Японцы, — гласил приказ, — предпочитая сами смерть сдаче в плен, вне всякого сомнения, произведут в случае успеха общее истребление, не обращая внимания ни на Красный Крест, ни на раны, ни на пол и возраст, как это было ими сделано в 1895 году при взятии Артура» (Шумский, 1907: 178, 482–483; Документы, 1947: 302).

Гибель Кондратенко развязала руки капитулянтам и, по свидетельству главнокомандующего генерала А.Н. Куропаткина, те сдавались в плен. Правда, отряды воинов в Порт-Артуре отказывались капитулировать, их умирляли японские войска. (Дискант, 2002: 322–325; Куропаткин, 2003: 565–566). На Сахалине, при Мудкене, Порт-Артуре, Цусиме и в др. местах в плен попало более 2 000 офицеров и 70 000 нижних чинов. Большинство из них разместили в лагерях у г. Осака, Токио и в других местах Японии. Охрана была японской, в лагерях действовало самоуправление, режим содержания смягчался: пленные получали письма, посылки, денежные переводы, пожертвования. Питание было сносным и трехразовым: разрешали отдых, игры в карты, шашки, шахматы и т. д.; офицеры при соблюдении правил, выходили за пределы лагерей; рядовые работали (чаще всего в сельском хозяйстве). Неграмотных обучали русскому и польскому языкам, чтению, письму, арифметике (до 12 часов в неделю). Такой режим объяснялся стремлением японцев опровергнуть представление о них, как о коварных и жестоких азиатах (Ушаков и др., 2016: 646) и намерением через агитаторов из эмигрантов и чтение газет настроить пленных против царских властей. Пропаганда была действенна среди нижних чинов (митинги под красным флагом) и мало затронула офицеров. Японцы порой нарушали условия капитуляции, избивали, подвергали наказаниям пленных и, иногда, извинялись за такие действия, но офицеры все чаще прибегали к коллективным протестам. Рождавшее в плену стремление к сплочению было очень показательным, но тогда не удалось преодолеть до конца отчуждение ни между офицерами армии и флота, ни между содержащимися отдельно командирами и массой рядовых. Тогда здесь сказывалась и классово-сословная структура роялистского общества. В 1904–1905 гг. в плену умерло 32 офицера и 2 280 нижних чинов, на родину вернулось 70 932 чел. Эти цифры дополнительно подтверждали: 1) различия в содержании групп пленных — пропорционально смертности нижних чинов в 5 раз превышала смертность среди офицеров; 2) патриотический настрой россиян — на родину отказались вернуться всего 110 чел. 3) само пребывание в плену, его условия побуждали россиян преодолевать некоторую настроенность, отчужденность, различия и другие факторы, мешавшие лучшему пониманию друг друга и их сближению; медленное, постепенно в их поведении проявлялись черты указывавшие на потребность пленных во взаимной поддержке, что на будущее могло служить и бо́льшему единению россиян в дни испытаний и бед (Шумский, 1907: 486–493, 496–502; Военнопленные, 1907: 33–35, 43–45, 56–93; Россия и СССР, 2010: 51–52).

События русско-японской войны явственно высветили важные характеристики в отношении воюющих сторон друг к другу на поле боя, и в отношениях победителей и пленных воинов, которых уже переместили в лагеря за пределами театра военных действий. Многие из этих черт проявлялись и в последующих военных конфликтах, в том числе и в ходе разразившейся через десятилетие Великой войны. Но то был уже не локальный или региональный конфликт, а мировая война, ход которой отражал серьезные изменения в мировой истории. И эти перемены также накладывали весомый отпечаток на характер вооруженной борьбы и на институт плена — как важной составляющей мирового катаклизма.

5. Заключение

Институт плена стал частью панорамы войн и конфликтов с участием Руси–России. За столетия формы и условия неволи могли меняться, но принципиальным оставалось то, что для многих поколений людей плен оборачивался смертельной трагедией. Именно для россиян неволя подчас оказывалась еще худшим «адом», ведь практически во все времена агрессоры истребляли, казнили

пленных и мирное население. Страдания, муки, гибель им несли как набег кочевых народов, «басурман», так и вторжения «культурных» христиан — поляков, шведов, французов, немцев и других европейцев. И порой бывало так: в неволю попадали многие сотни, тысячи, десятки тысяч людей, а вырывались из нее, тем более возвращались домой, единицы.

Судьбу, взятых «в полон» людей часто определяли независимые от их воли, поведения факторы и обстоятельства. Среди таковых можно назвать нацеленность завоевателей на безжалостный террор, разрушительные методы ведения войны (стратегия «выжженной земли»), свирепые эпидемии, голод и многое другое. Озлобление, зверства, преступную жестокость на поле боя противники порой дополняли и не менее жестоком обращением с пленниками и мирным населением по окончании боев. Все же в разных по характеру войнах возможности для пленных уцелеть и выжить не были равными. Войны за «безопасные» границы, новые земли и подданных (данников) по ожесточению и безальтернативности отличались от смут и гражданских конфликтов внутри страны, либо от войн, порожденных столкновениями цивилизаций, борьбой на национально-религиозной почве или расово-идеологическими и военно-стратегическими целями, когда речь заходила об исчезновении под ударами врагов, государства, общества, народа, и тот поднимался на отечественную войну. И хотя лагерь для пленных воинов Петра I на о. Висингсё по целям, масштабам, техническому отношению, другим показателям не был похож на концлагеря XX столетия, но и в начале XVIII в. для многих узников главной задачей было уцелеть, выжить, освободиться или вырваться из неволи, и нанести удары по врагу.

Не все в плену склонялись к активной борьбе, кто-то избегал ее, выжидал, был пассивен. Значение имело и то, — кто, как и когда оказывался в неволе — ведь случаи малодушия, предательства и намеренной сдачи в плен не были единичными. Здесь значение имели социальные интересы, национальные и религиозные мотивы, шкурные расчеты, тяготы и страх в условиях жестокого террора, да и другие обстоятельства, воздействовавшие на людей, определявшие их положение и поведение. Те же, кто не изменял присяге, не отверг веру, Родину, свой народ, обрекали себя на служение своим святыням. И убедительные примеры тому являло каждое столетие.

В плену часто оказывались отдельные люди (одиночки), и для них важным было физическое состояние (чаще погибали раненые, больные, слабые), моральный дух, вера в свои возможности и правоту, способность не сорваться, а сопротивляться и приспособиться к жестким условиям плена. Значимы были: умение распознать предательство, провокацию, выбирать среди пленных единомышленников и товарищей — оказывать им и получать от них поддержку, находить послабления и бреши в лагерно-тюремном режиме, порой использовать симпатии местного населения, отношение со стороны людей совестливых и разумных (в т. ч. из числа охраны).

Примеры в статье подтверждали значение этих и других обстоятельств, которые были важны не только для отдельных людей, но и для тех, кто попадал в плен в составе групп или сформировал таковые в заключении. А группы пленных существовали и по своим особым канонам: нужно было определиться с руководителем (лидером), избежать соперничества и разброда, наладить взаимопонимание, поддержку, дисциплину, осознавать, что группа не однородна и для ее сплочения результативного функционирования необходимо опираться на актив и, в зависимости от обстановки использовать богатый арсенал управления, руководства людьми в экстремальных, часто и нелегальных условиях. Формирование же организаций, движения сопротивления среди пленных повышало и степень ответственности, и степень риска для людей решительных, неустрашимых. На передний план выходили организаторские способности и другие таланты руководителей, возможность сочетать, направлять, координировать действия как в среде пленных (включая людей из других стран), так и за ее пределами, получать помощь извне, мобилизовывать все силы на борьбу и в ней опираться на политико-моральный стержень — самосознание людей, их патриотизм и жертвенность, крепнувшее чувство коллективизма, убежденность и зрелось, которые руководители и активисты несли пленным.

А действовать стихийно или организованно людям бесстрашным приходилось в экстремально сложных условиях. Ведь если человечество еще в XIX в. созывало международные конференции для укрепления мирных отношений, предотвращения тех угроз, гибели и жестокости, которые несли военные конфликты, и в том числе шло по пути частичной гуманизации института плена, то это еще не значило, что были полностью изжиты безжалостные наказания, пытки и казни, и не применялись другие методы принуждения. Все эти действия были ориентированы на унижение и подавление оказавшихся в плену людей. В нечеловеческих условиях пленникам навязывали требования, которые их «тюремщики» (в нашем варианте — власти, армия и охрана) формулировали, исходя из якобы имевшем место превосходстве, которым они обладали по отношению к стоявшему на более низкой ступени общественного развития, культурной и интеллектуальной жизни народу. Преступления победителей (будь то европейцы или жители Азии) вели к тому, что судьбы многих пленных были сломаны, растоптаны, они болели, страдали, гибли... а в сердцах и умах других людей испытание пленом возбуждали возмущение и ненависть к врагам, патриотический настрой и стремление усилить борьбу с тем, чтобы вырваться из неволи, спасти и себя, и свою страну.

Все же пленные по-разному решали проблемы выживания и борьбы с врагом. Диапазон их действия простирается от пассивного ожидания неминуемого (иногда даже переход на сторону

противника) и до широкого применения разных форм противостояния. Тогда пленные нередко практиковали саботаж и вредительство, отказ от работ, частыми стали побегии. Раздельное содержание в плену офицеров и солдатских масс, классово-сословный характер российского общества серьезно затрудняли совместные действия. Барьеры же между представителями разных слоев и групп начали рушиться и стираться только в эпоху революционных потрясения, но тенденции к единению пленных, к коллективному отпору (в первую очередь в рамках социальных групп) в военное лихолетье уже наметилось и тенденции к коллективизму среди граждан (в том числе и в экстремальных условиях) получали дальнейшее развитие в уже обновленной России (СССР).

Литература

- Акишин, 2009** — Акишин М.О. Пленные Северной войны: правовое положение // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения. М., 2009. С. 166–194.
- Бессонов, 2012** — Бессонов В.А. Калужский край в Отечественной войне 1812 года // *Родина*. 2012. №10. С. 118–122.
- Биргегорд, 2009** — Биргегорд У. О русских высших чинах в шведском плену // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 183–206.
- Вернадский, 1997** — Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. М.; Тверь, 1997. 480 с.
- Военнопленные, 1907** — Военнопленные. Обзор деятельности Центрального справочного бюро о военнопленных во время Русско-японской войны / Сост. Е.А. Бухе, под рук. Ф.Ф. Мартенса. СПб., 1907. XVI, 151 с.
- Герберштейн, 1988** — Герберштейн С. Записки о Московитских делах. М., 1988. 430 с.
- Гессен, 1918** — Гессен Ю.Л. Пленные в России с древних времен. Пг., 1918. Вып. 1. 84 с.
- Головнин, 1972** — Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. 526 с.
- Головнин, 2016** — Головнин В.М. Краткое описание наших приключений. Воспоминания в форме писем к другу, написанные во время пребывания в японском плену // Козлов С.А. Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В.М. Головнина и А.И. Хлебникова, 1810–1820-е годы. СПб., 2016. С. 240–292.
- Головнин, 1961** — Головнин В.М. Путешествие на шхуне «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807–1811 годах. М., 1961. 477 с.
- Дискант, 2002** — Дискант Ю.В. Порт-Артур, 1904. М., 2002. 366 с.
- Дневник, 1872** — Дневник событий, относящихся к смутному времени (1603–1613 гг.) // Русская историческая библиотека. Т. I. СПб., 1872. 846 с.
- Документы, 1947** — Из боевого прошлого Русской Армии: Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров / Под ред. Н. Коробкова. М., 1947. 411 с.
- Ивашов, Емелин, 1992** — Ивашов Л.Г., Емелин А.С. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. №1. С. 44–49.
- История, 1896** — История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет 1796–1896. СПб., 1896. 524 с.
- Коваленко, 2016** — Коваленко Г. Путешествие в плен. О чем рассказали записки дочери шведского офицера // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. №30, 19 августа. С. 5.
- Козлов, 2011** — Козлов С.А. Русские пленные Великой Северной войны. 1700–1721. СПб., 2011. 416 с.
- Козлов, 2016** — Козлов С.А. Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В.М. Головнина и А.И. Хлебникова 1810–1820-е гг. СПб., 2016. 504 с.
- Куропаткин, 2003** — Куропаткин А.Н. Русская армия. М., 2003. 590 с.
- Лохвицкий, 1855** — Лохвицкий А. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855. 104 с.
- Мартос, 1893** — [Мартос А.И.] Записки инженерного офицера Мартоса // *Русский архив*. 1893. №7. С. 305–368.
- Платонов, 1993** — Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. 736 с.
- Психология, 1970** — Военная инженерная психология. М., 1970. 398 с.
- Сегюр, 2014** — Сегюр Ф.-П. История похода в России. Мемуары генерал-адъютанта Филиппа-Поль де Сегюра. М., 2014. 464 с.
- Старый Егерь, 1876** — [Старый Егерь]. Под Варною // *Русская старина*. 1876, февраль. Т. XV. С. 364–376.
- Тарле, 2011** — Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Тарле Е.В. Триумф и трагедия императора: Сборник. М., 2011. 1018 с.
- Хлебников, 2016** — Хлебников А.И. Записка о японском плене семи россиян в 1811–1813 гг. // Козлов С.А. Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В.М. Головнина и А.И. Хлебникова, 1810–1820-е годы. СПб., 2016. С. 293–468.
- Шереметьевский, 1913** — Шереметьевский В. Бусурманская неволя // *Русская старина*. 1913: Январь. С. 135–148; Февраль. С. 336–347; март. С. 537–549; Апрель. С. 66–83.

- Шумский, 1907** — *Шумский К.* В плену у японцев // *Исторический вестник.* 1907. Т. CVIII. № 108(5), май. С. 475–502.
- Юриксон, 2009** — *Юриксон У.* Русские военнопленные на Висингсё // *Полтава. Судьбы пленных и воздействие культур.* М., 2009. С. 183–206.
- Янчевецкий, 2013** — *Янчевецкий Г.* У стен недвижимого Китая. М., 2013. 480 с.
- Rouanet, 2012** — *Rouanet D.* Captivites en Russie: regards compares // 1812, la champagne de Russie. Histoire et posterities. Sous la direction de Marie-Pierre Rey et Thierry Lentz. Paris, 2012. P. 253–265.
- Sourenirs, 1895** — *Sourenirs de guerre du general baron Pouget / publiés par M-me de Boisdeffre, née Pouget.* Paris, 1895. 323 p.
- Vieillot, 1996** — *Vieillot R.* Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années 1812–1813–1814. Luneray, 1996. 368 p.
- Ushakov et al., 2016** — *Ushakov V.A., Evsev'ev M.Yu., Petrova A.A., Vakhromeeva O.B., Sokhor T.E.* European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19th – beginning of 20th century). // *Bylye Gody.* 2016. Т. 41. № 3. pp. 642–649.

References

- Akishin, 2009** — *Akishin M.O.* (2009). Plennye Severnoj vojny: pravovoe polozhenie [The prisoners of the Northern War: the legal status] / *Poltava: K 300-letiju Poltavskogo srazhenija [Poltava: the 300th anniversary of the Battle of Poltava].* Moscow. pp. 166–194. [In Russian]
- Bessonov, 2012** — *Bessonov V.A.* (2012). Kaluzhskij kraj v Otechestvennoj vojne 1812 goda [Kaluga Region in the Patriotic War of 1812]. *Rodina.* №10. pp. 118–122. [In Russian]
- Birgegord, 2009** — *Birgegord U.* (2009). O russkikh vysshih chinah v shvedskom plenu [Russian Chief officers in the Swedish captivity] / *Poltava. Sud'by plennyh i vzaimodejstvie kul'tur [Poltava. The fate of the prisoners, and the interaction of cultures].* Moscow. pp. 183–206. [In Russian]
- Vernadskij, 1997** — *Vernadskij G.V.* (1997). Istorija Rossii. Mongoly i Rus' [Russian history. Mongolia and Russia]. Moscow; Tver'. 480 p. [In Russian]
- Voennoplennye, 1907** — *Voennoplennye.* Obzor deyatelnosti Tsentral'nogo spravocnogo byuro o voennoplennykh vo vremya Russko-yaponskoj vojny [Prisoners of war. Review of the activities of the Central Information Bureau about prisoners of war during the Russo-Japanese War] / *Sost. E.A. Bukhe, pod ruk. F.F. Martensa.* St. Petersburg, 1907. XVI, 151 p. [In Russian]
- Gerbershtejn, 1988** — *Gerbershtejn S.* (1988). Zapiski o Moskovitskikh delah [Notes on Muscovite Affairs]. Moscow. 430 p. [In Russian]
- Gessen, 1918** — *Gessen Ju.L.* (1918). Plennye v Rossii s drevnih vremen [Prisoners in Russia since the ancient times]. Petrograd. Vyp. 1: Vykup plennyh [Vol. 1: Redemption of captives]. 84 p. [In Russian]
- Golovnin, 1972** — *Golovnin V.M.* (1972). Zapiski flota kapitana Golovnina o prikl'yuchenyakh ego v plenu u yaponcev v 1811, 1812 godakh, s priobshcheniem zamechanii ego o Yaponskom gosudarstve i narode [Notes of the fleet of Captain Golovnin about his adventures in captivity with the Japanese in 1811, 1812, with the introduction of his comments on the Japanese state and the people]. Khabarovsk. 526 p. [In Russian]
- Golovnin, 2016** — *Golovnin V.M.* (2016). Kratkoe opisanie nashikh prikl'yucheni. Vospominaniya v forme pisem k drugu, napisannye vo vremya prebyvaniya v yaponskom plenu [A brief description of our adventures. Memories in the form of letters to a friend written during his stay in the Japanese captivity] // *Kozlov S.A.* Russkie otkryvayut Yaponiyu. Iz rukopisnogo naslediya moreplavatelei V.M. Golovnina i A.I. Khlebnikova, 1810–1820-e gody [The Russians are opening up Japan. From the manuscript heritage of seafarers V.M. Golovnina and A.I. Khlebnikov, the 1810s-1820s]. St. Petersburg. pp. 240–292. [In Russian]
- Golovnin, 1961** — *Golovnin V.M.* (1961). Puteshestvie na shhune «Diana» iz Kronshtadta v Kamchatku v 1807–1811 godah [Journey on the schooner "Diana" from Kronstadt to Kamchatka in 1807-1811]. Moscow. 477 p. [In Russian]
- Diskant, 2002** — *Diskant Yu.V.* (2002). Port-Artur, 1904 [Port Arthur, 1904]. Moscow. 366 p. [in Russian]
- Dnevnik, 1872** — *Dnevnik sobytij, odnosjashhhsja k smutnomu vremeni (1603–1613)* [Diary of events related to the Time of Troubles (1603–1613)] / *Russkaja istoricheskaja biblioteka. Tom pervyj [Russian Historical Library. Volume One].* St. Petersburg, 1872. 846 p. [In Russian]
- Dokumenty, 1947** — *Iz boevogo proshlogo Russkoi Armii: Dokumenty i materialy o podvigakh russkikh soldat i ofitserov* [From the combat past of the Russian Army: Documents and materials on the exploits of Russian soldiers and officers] / *Pod red. N. Korobkova.* Moscow, 1947. 411 p. [In Russian]
- Ivashov, Emelin, 1992** — *Ivashov L.G., Emelin A.S.* (1992). Nравstvennye i pravovye problemy plena v otechestvennoj istorii [Ethical and legal problems of captivity in the country's history]. *Voенно-istoricheskij zhurnal.* №1. pp. 44–49. [In Russian]
- Istorija, 1896** — *Istorija Lejb-gvardii Egerskogo polka za sto let 1796–1896* [History of the Life Guards regiment of Chasseurs Luring the hundred years 1796–1896]. St. Petersburg, 1896. 524 p. [In Russian]
- Kovalenko, 2016** — *Kovalenko G.* (2016). Puteshestvie v plen. O chem rasskazali zapiski docheri shvedskogo oficera [Travel to the Captivity. What the notes of Swedish officer's Daughter told]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti.* 19 avgusta №30. [In Russian]

- Kozlov, 2011** — *Kozlov S.A.* (2011). Russkie plennye Velikoj Severnoj vojny. 1700–1721 [Russian prisoners in the Great Northern War. 1700–1721]. St. Petersburg. 416 p. [In Russian]
- Kozlov, 2016** — *Kozlov S.A.* (2016). Russkie otkryvajut Japoniju: Iz rukopisnogo nasledija moreplavatelja V.M. Golovnina i A.I. Hlebnikova 1810–1820-e gg. [The opening of Japan by Russians. The manuscript heritage of seafarers V.M. Golovnin and A.I. Khlebnikov. 1810–1820]. St. Petersburg. 504 p. [In Russian]
- Kuropatkin, 2003** — *Kuropatkin A.N.* (2003). Russkaya armiya [The Russian Army]. Moscow. 590 p. [In Russian]
- Lohvickij, 1855** — *Lohvickij A.* (1855). O plennyh po drevnemu russkomu pravu (XV, XVI, XVII veka) [On prisoners of the ancient Russian law (XV, XVI, XVII century)]. Moscow. 104 p. [In Russian]
- Martos, 1897** — [*Martos A.I.*] (1893). Zapiski inzhenernogo oficera Martosa [Notes of the Engineering officer Martos]. *Russkij arhiv*. №7. pp. 305–368. [In Russian]
- Platonov, 1993** — *Platonov S.F.* (1993). Lekcii po russkoj istorii [Lectures upon the Russian History]. Moscow. 736 p. [In Russian]
- Psikhologiya, 1970** — Voennaya inzhenernaya psikhologiya [Military Engineering Psychology]. Moscow, 1970. 398 p. [In Russian]
- Segjur, 2014** — *Segjur F.-P.* (2014). Istorija pohoda v Rossii. Memuary general-adjutanta Filippa-Pol' de Segjur [The History of the campaign in Russia. Memoirs of the Adjutant General Philippe-Paul de Segur]. Moscow. 464 p. [In Russian]
- Staryj Eger', 1876** — [*Staryj Eger'*]. (1876). Pod Varnuju [Under Varna]. *Russkaja starina*. fevral'. T. XV. pp. 364–376. (In Russian)
- Tarle, 2011** — *Tarle E.V.* (2011). Nashestvie Napoleona na Rossiju [Napoleon's Invasion in Russia] // Tarle E.V. Triumf i tragedija imperatora: Sbornik [Triumph and tragedy of the Emperor: A Collection]. Moscow. 1018 p. [In Russian]
- Hlebnikov, 2016** — *Hlebnikov A.I.* (2016). Zapiska o japonskom plene semi rossijan v 1811–1813 gg. [Note on Japanese captivity of seven Russians in 1811–1813] // Kozlov S.A. Russkie otkryvajut Japoniju: Iz rukopisnogo nasledija moreplavatelja V.M. Golovnina i A.I. Hlebnikova 1810–1820-e gg. [The opening of Japan by Russians. The manuscript heritage of seafarers V.M. Golovnin and A.I. Khlebnikov. 1810–1820]. St. Petersburg. pp. 293–468. [In Russian]
- Sheremet'evskij, 1913** — *Sheremet'evskij V.* (1913). Busurmanskaja nevolja [Busurmanskaya bondage]. *Russkaja starina*. Janvar'. pp. 135–148; Fevral'. pp. 336–347; Mart. pp. 537–549; Aprel'. pp. 66–83. [In Russian]
- Shumskii, 1907** — *Shumskii K.* (1907). V plenu u yapontsev [In captivity with the Japanese]. *Istoricheskii vestnik*. T. CVIII. № 108(5), mai. pp. 475–502. [In Russian]
- Jurikson, 2009** — *Jurikson U.* (2009). Russkie voennoplennye na Visingsjo [Russian POWs on Visingsö] // Poltava. Sud'by plennyh i vozdejstvie kul'tur [Poltava. The fate of the prisoners and the impact of culture]. Moscow. pp. 183–206. [In Russian]
- Jancheveckij, 2013** — *Jancheveckij G.* (2013). U sten nedvizhnogo Kitaja [Near the walls of motionless China]. Moscow. 480 p. [In Russian]
- Rouanet, 2012** — *Rouanet D.* (2012). Captivites en Russie: regards compares // 1812, la champagne de Russie. Histoire et posterities. Sous la direction de Marie-Pierre Rey et Thierry Lentz. Paris. pp. 253–265.
- Sourenirs, 1895** — Sourenirs de guerre du general baron Pouget / publiés par M-me de Boisdeffre, née Pouget. Paris, 1895. 323 p.
- Vieillot, 1996** — *Vieillot R.* (1996). Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années 1812–1813–1814. Luneray: Éditions Bertout. 368 p.
- Ushakov et al., 2016** — *Ushakov V.A., Evsev'ev M.Yu., Petrova A.A., Vakhromeeva O.B., Sokhor T.E.* (2016). European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19th — beginning of 20th century). *Bylye Gody*. T. 41. № 3. pp. 642–649.

УДК 94 (47)+(100-87)

Русские в плену: искусство выжить и победить

Владимир Александрович Ушаков ^a, Татьяна Евгеньевна Сохор ^{a,*}, Ильин Евгений Васильевич ^a, Татьяна Николаевна Гончарова ^a, Ариадна Александровна Петрова ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья основана на изучении разнообразных источников — донесений, писем, дневников, мемуаров и других материалов, оставленных участниками и современниками событий,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.usakov@spbu.ru (В.А. Ушаков), sohor@mail.ru (Т.Е. Сохор), e.ilin@spbu.ru (Е.В. Ильин), t.goncharova@spbu.ru (Т.Н. Гончарова), ariadnapetrova@yandex.ru (А.А. Петрова)

документов и отчетов Красного Креста и других организаций, помогавших пленным, а также и сведений из публикаций российских и зарубежных специалистов по истории плена за многие столетия. В поле зрения авторов попали события из истории войн в Европе и Азии, эпизоды, когда противниками россиян выступали европейские армии, силы Османской империи и ее союзников, а также Японии и Китая. В статье рассмотрены и разные по характеру, типу войны и конфликты, нашествия и набеги. В итоге, на основании полученных сведения были изучены многие условия и факторы, влиявшие на положение пленного и групп пленников и позволявшие им уцелеть, выживать и, более того, сохранять надежду на спасение в разных формах, с разной активностью противостоять врагу. В статье выделены условия и обстоятельства, лишавшие пленных таких возможностей. была определена зависимость положения пленных от природы антагонизмов, порождавших войны. на примерах конфликтов с участием россиян демонстрировалось и влияние на институт плена цивилизационных особенностей противоборствующих народов, рассматривались отличия в отношении победителей к пленным на фронте и в тылу. Определялись условия для выживания отдельных пленников и групп пленных. Авторы выявляли и характеризовали действия пленных, позволявшие бы им уцелеть, выжить, нанести вред противнику и вырваться на свободу с тем, чтобы спастись, помочь товарищам, Родине, вернуться домой.

Ключевые слова: Пленные, Отечественная война 1812 года, Русско-японская война, Россия, Швеция, Польша, Франция, Турция, Китай, Япония.